

Они спустились вниз обедать.

Цинь Чжицзянь сразу заметил на обеденном столе камеру, объектив которой был направлен аккуратно на поверхность.

— В моих роликах процесс готовки совмещается с дегустацией, так выходит куда аппетитнее, — опережая его вопрос, принялся объяснять Янь Но. — В кадр попадут только блюда да наши руки, когда мы будем брать еду. Максимум — плечи и грудь, лиц точно видно не будет.

Он провёл ладонью чуть ниже шеи, показывая границу кадра.

У каждого свои увлечения. И хотя Цинь Чжицзянь не особо понимал подобной страсти к съёмкам, мешать не стал.

— Угу, — коротко отозвался он.

Опять согласился!

Янь Но просиял и, пытаясь выказать своё расположение, поспешно предложил:

— Попробуй скорее, что я приготовил!

На столе дымились четыре блюда и суп.

Пока проветривалась кухня, Янь Но успел обжарить куриные ножки в соусе терияки и сообразить томатный суп с яйцом.

Цинь Чжицзянь предпочитал лёгкую пищу и совершенно не выносил острого. Из пяти поданных угощений ядрёным «биохимическим оружием» казалось лишь одно. Остальные четыре выглядели ярко, аппетитно и весьма свежо — их внешний вид полностью отвечал его вкусовым предпочтениям.

Приготовить столько всего за столь короткий срок — кулинарные навыки омеги действительно изумили Цинь Чжицзяня.

После изнурительного кашля в горле у Цинь Чжицзяня всё ещё саднило. Напиток лишь ненадолго сбил жжение, а салат из спаржевого салата с тофу выглядел прохладным — самое то, чтобы унять жар.

Он занёс палочки, намереваясь отправить кусочек в рот.

— Подожди! — поспешно окликнул его Янь Но. — Тофу немного остренький. Не знаю, осилишь ли.

Цинь Чжицзянь всё же попробовал. Вкус оказался свежим, с идеальной кислинкой и приятной сладостью, но жгучая нотка выбивалась слишком резко, обжигая рецепторы. Повторять не хотелось.

Заметив, что гость отложил салат и сидит с непроницаемым лицом, Янь Но неуверенно спросил:

— Ты что, вообще острое не выносишь?

— Немного могу, — честно признался Цинь Чжицзянь. — Но предпочитаю избегать.

«Это у него называется "немного"?» — мысленно усомнился Янь Но.

Ему ещё не приходилось встречать людей с настолько нежным нёбом. Неудивительно, что тот едва не задохнулся от курятины с перцем: если уж тофу показался ему ядом, то цыплёнок Лацзыцзи и впрямь был равен химической атаке.

В этот момент палочки Цинь Чжицзяня потянулись к тушёной пекинской капусте.

— Ой! Это тоже... Погоди!

Янь Но попытался предупредить его, но не успел.

Цинь Чжицзянь замер с подхваченным капустным листом. Смерив подозрительным взглядом жёлто-зелёные капли, он изумлённо переспросил:

— Это что, маринованный перец?

Янь Но виновато кивнул.

Цинь Чжицзянь уставился на него с нескрываемым шоком:

— Ты даже обычную капусту сумел сделать острой?!

Омега хитро оскалился:

— В мире нет ничего, чему вредила бы щепотка перца!

Цинь Чжицзянь с совершенно каменным лицом поднял большой палец:

— Невероятно. Ты просто гений.

В его голосе не было и капли похвалы, но выглядело это до того комично, что Янь Но не удержался и приснул.

— Ну откуда я знал! — со смехом проговорил он. — Завтра никакой перчинки не добавлю, обещаю.

Куриные ножки можно приготовить тысячей способов, и пусть терияки обычно делают сладковатым, от человека, считающего, что «острота уместна везде», можно было ждать любого подвоха.

Цинь Чжицзянь решил не рисковать и сперва опробовать суп.

Занеся ложку над миской, он всё же с подозрением уточнил:

— Надеюсь, тут обошлось без сюрпризов?

— Чист, как слеза! Честное слово! — замахал руками Янь Но. — Я даже молотый перец не сыпал. Только пару яиц вбил да сушёных креветок добавил.

Он подвинул к нему ближе и суп, и блюдо с курицей, глядя на мужчину с нетерпеливым ожиданием:

— И ножки тоже не острые. Вся порция твоя, пробуй скорее!

В еде Цинь Чжицзянь особых изысков не требовал. Раз уж три блюда из пяти оказались непригодны, он просто зачерпнул густого томатного бульона и щедро полил им рис.

Алые капли мгновенно пропитали белоснежные зёрна, окрашивая их в аппетитный коралловый цвет. Когда рис вбирает в себя бульон почти полностью, наступает самый лучший момент для трапезы: зёрна сохраняют приятную упругость, но буквально тают во рту.

Пока рис пропитывался, Цинь Чжицзянь взял кусочек курицы.

Блюдо выглядело превосходно: Янь Но аккуратно нарезал обжаренное филе равными брусочками, изящно выложил их на тарелку и полил глянцевым соусом.

Сделав первый укус, Цинь Чжицзянь удивлённо изогнул бровь. Курица оказалась вкуснее, чем

во многих элитных ресторанах, где ему приходилось обедать. Хрустящая корочка, сочное мясо внутри, ни малейшего намёка на гарь или сухость — насыщенный соус с приятной сладковатой ноткой пропитал каждое волокно.

Не успел он проглотить первый кусочек, как палочки сами потянулись за следующим.

Янь Но, пристально следивший за каждым его движением, заметил этот сдержанный восторг и про себя восторжествовал: угадал-таки!

Для кулинара нет большей радости, чем искреннее признание его мастерства, особенно после того, как три блюда подряд были с треском отвергнуты.

Тем временем рис в пиале Цинь Чжицзяня достаточно пропитался. Он зачерпнул ложку бульона.

Ух ты, каков вкус!

Казалось бы, обычный томатный суп с яйцом — самое простецкое домашнее кушанье, у всех оно получается примерно одинаковым. Однако первый же глоток поразил его невероятно глубоким, насыщенным вкусом. В послевкусии отчётливо проступала лёгкая, естественная сладость.

Неужели это и впрямь рядовой томатный суп?

Он попробовал рис — мягкий, рассыпчатый, пропитанный соком. Не будь у него иной текстуры, можно было бы подумать, что подали десертный бульон.

Цинь Чжицзянь покрутил ложкой на дне пиалы, поддевая осевшие ингредиенты.

— Это мелко нашинкованный зацай, — с улыбкой пояснил Янь Но. — Хоть и дешёвая солёная редька, а вместе с сушёными креветками даёт потрясающую свежесть и глубину вкуса.

— Зацай разве сладкий? — нахмурился Цинь Чжицзянь.

— Вовсе нет, обычная маринованная солёность, — качнул головой омега. — Я соли бросил совсем чуть-чуть, всю соль суп впитал как раз из зацая.

— Но почему он тогда сладковатый? Это точно не сахар и не томатный соус.

— А это настоящая сладость самих помидоров! — Глаза Янь Но азартно блеснули: кулинарная тема была его стихией. — Мой секретный приём! Учитывая, что я тебя чуть не удушил

перечным дымом, так и быть, поделюсь секретом.

Он таинственно поманил Цинь Чжицзяня пальцем:

— Наклонись-ка поближе.

Его жесты и мимика были совсем детскими.

Цинь Чжицзяню невольно вспомнилось, как этот парень босиком летел на кухню, забыв про домашние тапочки; как на его кровати валялись горы снеков; как он не задумываясь выветривал перечный чад собственной аурой...

Каждая деталь их сегодняшнего общения складывалась в единую картину. Теперь Цинь Чжицзянь окончательно убедился: перед ним сидит суший ребёнок. И в мыслях, и в поступках — абсолютно непосредственный.

Янь Но рос в достатке, а судя по отчёту, в детстве часто болел, так что его явно окружили чрезмерной заботой. Вот он и вырос таким безоблачно-беспечным, наивным и простым. По сути, живёт одними эмоциями.

В окружении Цинь Чжицзяня подобная душевная простота была невиданной роскошью. С тех пор как он встал у руля семейного бизнеса, окружающие либо лебезили перед ним, либо трепетали от страха. Он привык отдавать приказы. И тот факт, что Янь Но без тени сомнения пытается командовать им, казался даже освежающим.

Понимая натуру юноши, Цинь Чжицзянь и не думал сердиться. Напротив, в нём проснулось озорное желание слегка его поддразнить.

Откинувшись на спинку стула, он окинул омегу высокомерным взглядом и бросил:

— Сам подойди.

— Ну вы даёте! — Янь Но, попытавшийся было сыграть роль загадочного шеф-повара, моментально сдулся. Покосившись на объектив камеры, он пробормотал: — Я же видео записываю, неужели нельзя сделать уступку ради кадра?

Никакой романтики и никакого авторитета!

Он надулся и уставился на Цинь Чжицзяня. Поскольку пластырь-дезодорант омега наклеить забыл, вокруг него витал густой аромат шоколада.

Альфа, уже оставивший метку, отлично улавливал малейшие изменения в чужом фоне. Цинь Чжицзянь ощутил, как сладкая нота в воздухе заметно сгустилась, приобретая терпкие оттенки горького шоколада.

Мальчишка капризно поджал губы и со злостью тыкнул палочками в рис. Концентрация тёмного какао в воздухе подскочила ещё сильнее.

«Надо же, какой обидчивый», — усмехнулся про себя альфа.

Решив не перегибать палку, Цинь Чжицзянь поднялся со своего места и сам подошёл к нему.

Разве он не заставлял его подойти самостоятельно? Что за внезапная милость?

Лишь секунду спустя до Янь Но дошло: Цинь Чжицзянь с самого начала вовсе не отказывался слушать, а просто разыгрывал его.

— Вы совсем как ваши феромоны, — не удержался от подколки омега.

Едкая горечь улетучилась так же мгновенно, как и появилась, и воздух снова наполнился ароматом молочного шоколада.

Цинь Чжицзянь вскинул бровь:

— Это ещё почему?

— Вкус у них отличный, да только уснуть после них невозможно, — отрезал Янь Но, намекая на то, как непросто даются любые соглашения.

— Не «невозможно уснуть», а «придают бодрости», — поправил его собеседник.

— Да уж, втянешь такой ароматец — и сразу тянет засесть за отчёты до полуночи, — озвучил Янь Но своё самое первое впечатление от его ауры.

Ему ещё никто не давал подобной характеристики.

Цинь Чжицзянь снисходительно улыбнулся и пожал плечами:

— Вот ты и раскусил секрет процветания моей корпорации.

Улыбка быстро сошла с его лица, уступив место привычной деловой строгости.

Янь Но так и не понял, шутит тот или говорит на полном серьёзе, а потому лишь скопировал его прежний жест и поднёс к носу альфы большой палец:

— Потрясающе, вы гений!

— Благодарю за оценку, — Цинь Чжицзянь чуть наклонился к нему, возвращаясь к теме, на которой они прервались.

Янь Но не стал больше тянуть резину:

— Каждый раз, покупая овощи, я беру пару лишних томатов и даю им полностью размякнуть. А потом варю суп из спелых и свежих одновременно. Перезрелые помидоры очень сладкие: если снять с них кожицу и нарезать кубиками, они моментально отдают сок. Ты разницу разве не заметил? Мой бульон куда гуще обычного!

«Вот оно что...» — мысленно отметил Цинь Чжицзянь.

Янь Но прождал пару секунд, но, не услышав восторгов, возмущённо уточнил:

— Я же такую находчивость проявил! А где похвала?

Точно ребёнок.

— Нарисовать тебе красную звёздочку за старания? — поддразнил его альфа.

— Наклейками меня заманивать не надо, я уже давно не в детском саду, — с максимально серьёзной миной отрезал омега.

«Да уж, перешёл в начальную школу», — иронично подумал Цинь Чжицзянь.

Начало обеда выдалось не самым гладким, зато дальше трапеза протекала в исключительно приятной обстановке.

Наблюдая, как Цинь Чжицзянь отдаёт предпочтение только не извращённым перцем блюдам, Янь Но поинтересовался:

— А почему ты не любишь острое?

— В детстве не подавали, вот и не пристрастился, — ответил тот.

— Как жаль! Жизнь должна быть богата всеми вкусами: и кислым, и сладким, и острым, — вздохнул омега. — Расскажи, что тебе ещё не по вкусу? Буду иметь в виду.

— Больше никаких ограничений. Главное — без перца.

— А что предпочитаешь?

— Сладкое, — не спеша произнёс Цинь Чжицзянь.

И курица терияки, и томатный суп отдавали сладостью. Неудивительно, что он уплетал их за обе щёки и практически очистил тарелки.

Янь Но сперва решил, будто тот ест их от безысходности, а оказалось — случайным образом угодил прямо в цель.

Впрочем, эта мысль натолкнула омегу на иной вопрос:

— Какое счастье, что мои феромоны не пахнут жгучим перцем!

Цинь Чжицзянь удивлённо переспросил:

— С чего вдруг такие мысли?

— Ну сам подумай! Я жить не могу без острого. Представь, если бы мои феромоны пахли чили, а совместимость у нас оказалась бы стопроцентной? Что тогда?

Цинь Чжицзянь даже вообразить себе подобный кошмар не мог, а потому отрезал:

— Такое абсолютно исключено.

— Ну ты хоть гипотетически представь! — Янь Но подпёр щеку кулаком. — Будь это так, я бы точно не смог работать твоим личным освежителем воздуха.

Личным освежителем воздуха?

И надо же было додуматься так себя окрестить!

Цинь Чжицзянь снова не удержался от смешка.

<http://bllate.org/book/20641/2112487>